

СТИШКАМИ-ПЛАВНИКАМИ ШЕВЕЛЯ...

* * *

За осенью, в которой стих подмёрз, как Вяземский в халате обветшалом,
Вдыхая пыль, глотая абрикос, чертя судьбу, как блазнится, недаром –
Взлетает жизнь, забыв в шкафу крыла, и пропадает в городе брюхатом,
Куда спешишь, «бессмертная пора», стегнув себя некачественным матом?
Куда теперь, расстёгнутым на сто сиротств *таких*, что вспомнился б родитель
В каком-нибудь заштопанном пальто, скорее безучастный небожитель?
Зане о том, где первый – ничего известно *не*, и в этом *не* – причина,
Вдыхай, братан, такое волшебство, весь мир, друган, пиитова чужбина,
Как завернул один из США, воткнув перо под бок яйцеголовым.
...я счастлив был (душок от беяша), я счастлив был в посёлке верескóвом
Ловить любовь на музыку, забив на всё окрест... Кусай меня, столица!
Куда как «ласков» твой императив (В какой руке везучая синица?).
Взлетает жизнь за Вяземским, за тем, кто свыкся с одинокостью российской,
Строка, как чёрт, подсказывает темп, и ветер бьёт по вывеске буддийской.
...я счастлив был, как джазовый концерт... Направо – банк, налево – Якиманка,
Заляпанная грязью, аки смерд, звенящая монетами цыганка.
Я счастлив был, как колокольный звон, как ангел, пропустивший три урока,
Рифмуй меня с печалью, Плутон, драконь, октябрь, циничностью итога,
Я был затем, чтоб, вспыхнув, поминать, по буквочке выкуривая *слово*,
Целую охрентильное «вспясть» в ещё одном... от Рождества Христова.

* * *

Теплится сон о Египте: едет на ослике тип,
Подле солдат с «калашами» дремлет обшарпанный джип,
Чешет на грустном верблюде в платье смешном Гумилёв,
Сколько в его сиротливых зенках набухло стихов!
Небо лазурью жиреет, Красное море поёт
Песню о том мореходе, что обездоленных ждёт.

Курит Луксор сигареты, «мельницы» вечность жуют,
Рядом с крутой колоннадой каждый из нас лилипут.
Теплится сон африканский: слово сжирает жара,
Тычет восторгом в пространство выросшая немчура.
Где тут душе примоститься, где приютиться, Карнак?
Как основное запомнить, лучшее высмотреть как?

Всякий тут гол, как соколик, всякий проколот теплом,
Всякий жука-скарабея грузит своим шепотком,
Всякий кричит бедуином, слышишь, подруга-душа?
Что остаётся в итоге? Нам, как всегда, – ни шиша,

Нам, заболевшим любовью, – ослик, что помнит о Нём,
Солнце, ленивое небо и – полицай с «калашом»...

* * *

Зимою – в счастье – свет
И кофеварки всхлип,
Прощённый лаской плед,
Случайный манускрипт.

Зимою – в счастье – снег,
Страшилка ветра за...
На сковородке steak,
На блюде сыр-слеза,

Да йогуртовый хлеб
С гранатовым «Кенто»,
И лёгкость Божьих скреп
В космическом ЛИТО.

Зимою – в счастье – бра,
Римейк сейшельских грёз,
По НТВ мура,
За стёклами мороз,

В топлёном молоке
Съедобный лик луны,
Соль музыки – в глотке
Из рюмки тишины,

Созвездья на крючке
У ангела любви,
Монетка в кулачке,
С которой селяви.

Зимою – в счастье – та,
С которой *так* знаком...
Любую жуть, звезда,
Легко перемахнём.

* * *

Сентябрь – факир медитативный, раздоров жёлтый календарь
Дудит мотивчик примитивный, как царь Алеша пел букварь,
Усталость сводит с кофеином, ловя бессмертие пером,
Дыша небесным анилином в остервенении глухом,
И рвётся парусом безвестным в моих химерах золотых,
То – архаизмом анапестным, то – в переливах звуковых,
Свистит метафоры задаром сынам анафор чумовых,
И лечит дедовским отваром от наговоров колдовских...
Меня, небритого такого, в маразм смотрящего уже,
Такого ангела плохого, кто напечатает в ЖЗ?
Утопит в скучном разговоре, строку сомненьем царапнув,
Кто разглядит в морфеме – море, воображение раздув?
Сказать кому: «Не проиграли! – садись в счастливую строфу

И жми поэтом на педали сквозь лужковатую Москву,
Владивосток воспоминаний и «ветку сакуры» – вчера,
В такой закат – почти фазаний, в такое вещее «пора»,
В такой сентябрь медитативный: то – флажолет, то – лёгкий вздох...»
... и ветер жирный, суггестивный, и слов рассыпанный горох,
И жизнь на пальчиках прозрений в 120-ть ангельских ампер,
И ускользающий, осенний... и этот лакомый размер.

* * *

...Окрепла мгла, кемарят черти
В обильном вишнями саду,
Я разлюблю тебя до смерти,
Я затанусь тобой в бреду.

Я унесу тебя в молчанье –
За дверь миндального греха,
В словарь поспешного прощанья,
В размер случайного стиха.

YESTERDAY

...Три рубля, и от музы вприпрыжку –
Попинать симпатичную мглу.
Хлебанём за хорошую книжку,
За друзей золотую хулу.

Вот архангел с болотной звездой,
Вот портвейна щенячий хорей,
Нашумим в синеву над рекою,
Кинем в глотки солёных груздей.

Кто честнее, чем эта орава?
Льётся вечера тёплый рассол.
Прокури меня, крепкая «Ява»,
Подскажи бормотушный глагол.

Сбрось звезду, волосатое небо,
Прямо в губы целуй, чепуха!
До свиданья... В карманчике Феба
Я качнусь музыкантом стиха.

* * *

Когда любовь бежала от разлук,
Ловя в ладоши колокольчик-звук,
Когда стихи не мнились преискурантом,
Когда любили не за баксы, не
Велюр-вельвет в заштопанной стране,
Когда в запой дружилось с музыкантом,

Тогда сдавалось – «Lady Jane» удач
Сыграют под забористый первач,

И нас обнимет муза-шалашовка.
Плевать на Стикс: по волнам бытия
Мы промелькнём, спасёмся ты и я
(Кому Фортуной выдана путёвка?)

Всю жизнь тянуть такое ля-ля-ля,
Стишками-плавниками шевеля,
Бока кифары глядя вечерами?
В конце концов, кто Фамирин, кто нет,
Кому назавтра выпадет *поэт*,
Как тур-вож на сладкие Багамы?

И это свет? И это – *очень* свет,
Как подсказал космический полпред,
Лицо от мглы за крылышки скрывая,
Твой синий цвет, твой кайф, твой Круазетт –
Танцуй на этом краешке, поэт,
По буквочке стихами зарастая.

* * *

Закроем небо жалюзи,
Нашепчем шуры-муры,
Орешек в йогурте вкуси,
Изделие Шатуры.

Под абажуром мгла ара-
Арабского разлива,
Светла проделками нора,
Заботой щекотлива.

Ты фармазонка, ты мена-
Менада по начинке.
От поцелуя жизнь вкусна
В шершавистой глубинке!

От поцелуев кофе, ко...
Оставлен в кофеварке.
Душа небесное арго
Вычитывает в чарке.

От пылкой истины легко
Под градусом амура,
Всё остальное – «Сулико»,
Фигня, литература.

* * *

Юрию Кублановскому

Жизнь, что смеялась над турком, плакала в жёстком кино,
Билась с очкастой судьбою, ставила грош в казино,
Зонтиком воздух колола, колой спасалась в жарынь,
Путала счастье постели с запахом импортных дынь,

И танцевала в «прощайках», и набродилась не там,
Было, курила «Родопи», дула хвалёный бальзам;

Жизнь, что бросала восторги, грызла орешки любви,
Солнце ловила губами, шхуне шептала «плыви»,
И пропадала в романсе, и защищала словарь,
И ухитрялась в романе перелистнуть календарь,
И увлекала друзьями, и обгоняла врагов –
Быстро устала... и стала – сгустком рифмованных слов,

Стала последней заботой, раем в глагольном пике,
Кружкой цейлонского чая, облаком бредней в башке,
Книгой в шершавом обличье: Мозг о тропиках врёт,
Старой британской кассетой, что там «King Crimson» поёт?
...Кто рассылает по мэйлу файлы небесных широт –
Ангелы, жители ада? Кто за душою придёт?

* * *

Сдаёт листву сегодня во вчера
Сплошная баратынская пора,
Поносят «Омэн» ангелы ОМОНа.
Твоим «пока» запачкана Москва,
Болят от беспорядка голова,
Глазами надсмехается ворона.

Зачем крутил *микджаггерский* винил,
Бранил Нью-Йорк, в Бердичеве чудил
И грудь ласкал бессмертником сонета?
Каким бурбоном вымокну в кафе,
В какой аид переметнусь в строфе,
Какой хандре заделаю поэта?

В судьбинке что? Зачем крошится свет,
В какую жизнь прицелен арбалет,
От яндекса до запаха удачи?
Сплошная баратынская игра...
У «SBARRO» ошивается урла,
Тверская матерится по-щенячьи.

* * *

Пока вербует соловей
И ворон По зовёт Эдгара –
Ты весь, от пяток до бровей,
Рахат-лукум прямого дара,

Ты весь, от улиц до границ,
До нерастраченной лазури –
Одна из гамаюнных птиц
В людской заматерелой шкуре.

Давай шмыгнём вдоль облаков,
Давай проветримся хореом

За морем разноцветных слов,
За этим солнцем-ротозеем,

За жизнью, пущенной стрелой,
И змеем, посланным вдогонку,
За беспризорною игрой,
Что счастьем кажется ребёнку.

Открой глаза пошире, брат:
В бокалы истина разлита...
Ты сам в хорошем виноват,
Единокровник алфавита.